

На правах рукописи

Панюков Анатолий Васильевич

**Инновационные процессы в фольклорной традиции коми:
феномен самоорганизации**

Специальность: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Отделе языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук».

Официальные оппоненты:

Напольских Владимир Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра историко-лингвистических исследований Института истории и археологии Уральского отделения РАН;

Иванова Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;

Шаронова Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук».

Защита состоится «16» декабря 2026 г. в 14.00 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.080.01 при ФГБУН ИМЛИ им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1, 2 этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН ИМЛИ им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1 и на официальном веб-сайте: <https://imli.ru/dissertatsionnyj-sovet-24-1-080-01/zashchity/6854-innovatsionnye-protsessy-v-folklornoj-traditsii-komi-fenomen-samoorganizatsii>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н.

С.С. Макаров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. В современных исследованиях фольклорная культура предстает как чрезвычайно динамичная и адаптивная система. Параллельно с поиском новых теоретических обоснований за последние двадцать лет фольклор стал объектом многих дисциплин, возникших на стыке различных научных сфер. В результате система границ в области научного знания о традиционной культуре значительно усложнилась, а объектное и предметное поля оказались многократно «перекроенными». В этих условиях представляется полезным обратиться к другим наукам и попробовать хоть в какой-то степени универсализировать аналитический инструментарий.

Одним из таких междисциплинарных направлений является синергетика, исследующая поведение сложных систем разной природы. Междисциплинарные исследования, использующие методы синергетики, позволяют по-новому оценить результаты открытий, как в рамках естественно-научного знания, так и в науках о человеке, обществе, поскольку синергетика ищет общие принципы эволюции мира. Сегодня уже можно говорить о возникновении целых направлений, таких как социосинергетика, лингвосинергетика, историческая синергетика и другие¹. Переход к новой парадигме зачастую связан с изменением угла зрения на исследуемые явления. Так, многие объекты, традиционно изучаемые в рамках цикла гуманитарных дисциплин, такие как язык, мышление, понимание, смысл, концепт, в терминах синергетики представляют собой открытые системы, существующие в нелинейной и неравновесной среде, обладающие иерархическими уровнями структурной организации.

¹ См., напр.: *Залевская А. А.* Синергетическая психолингвистика или психолингвистическая синергетика? // *Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы*: сб. ст. / Алтай. гос. ун-т. Барнаул, 2000. С. 10–16; *Герман И. А., Пищальникова В. А.* Введение в лингвосинергетику: Монография. Барнаул, 1999; *Кузьмина Н. А.* Язык синергетики и синергетика языка // *Вестник Омского университета*, 2004, № 3. С. 38-44; *Ипполитов Г. М.* К вопросу о синергетическом подходе в исторических и историографических исследованиях // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010, т. 12, №2. С. 207-216.

Представляя фольклорную культуру в виде сложноорганизованной художественной системы, состоящей из многих взаимосвязанных подуровней или подсистем («фольклор как система систем»), и пытаюсь навести определенный порядок в наших представлениях о ней, мы невольно конструируем привычную нам модель управления: если есть система, то есть и механизмы управления этой системой, призванные сохранять порядок. И нам кажется неоспоримым тот факт, что порядок в системе фольклора есть результат работы особых механизмов стабилизации, а само понятие «традиция» подразумевает, прежде всего, межпоколенную передачу определенных (консервативных) правил, законов организации данной культуры, которые направлены на то, чтобы сохранить ее неизменность.

Исследование любого объекта или явления с позиций синергетики актуализирует его процессуальность, нестабильность и нелинейность развития. Если мгновенный срез традиции можно представить в виде широкого, но конечного списка зафиксированных артефактов, то в реальном бытовании любое фольклорное явление может рассматриваться как отдельная процессуальная стадия его эволюции. С этой точки зрения фольклорный текст как структурно-семантическое единство представляет собой временно организованный участок нелинейной среды, обладающий способностью перемещаться, перестраиваться в ней. И здесь важно понимать, что в самоорганизующейся системе «все течет и меняется» с двумя абсолютно разными скоростями и двумя разными способами. Эволюционная картина всей традиции представляет собой цепь чередований спокойных и сильно неравновесных периодов. Соответственно, система знает два динамичных состояния, которые отличаются и по длительности, и по качеству. Состояние «устойчивой неравновесности» фольклорной традиции можно определить как потенциальную готовность к изменениям, к адаптации. Эта потенциальная готовность (образно говоря – пластичность) и обеспечивается вариативностью, теми же фольклорными канонами, которые определяют параметры варьирования. Сохраняя свою пластичность, традиция обладает устойчивостью

к малым возмущениям и способна восстанавливать неизбежно возникающие на разных участках «пробелы», деформации. Далее, под постоянным, усиливающимся воздействием внешней среды (инокультурное влияние, давление исторических событий, вмешивающихся в жизнь традиции, экономические или даже экологические изменения и многое другое) эта неравновесность начинает стремительно возрастать – вариативность на определенном участке системы выходит «из-под контроля традиции» (опять же, образно выражаясь – традиция становится сверхпластичной, и достаточно любого случайного касания, чтобы придать ей новую форму). Когда это спонтанное, хаотическое разрушение существующих правил, канонов достигает критического, порогового значения, система скачкообразно переходит в новое, опять же квазиустойчивое, состояние с новыми, зачастую совершенно неожиданными параметрами порядка, имеющими вероятностный характер. Подобный скачкообразный переход из одного квазиустойчивого состояния к другому, альтернативному состояниям порядка в физике называется фазовым переходом. Для фольклорной системы такой переход может быть связан с возникновением новых ассоциативных структур: фоносмысловых, лексико-смысловых, образных, межтекстовых, межжанровых и т.д. Эти структуры закрепляют новое квазиустойчивое состояние, возвращая на данном участке или уровне системы «контроль традиции». Соответственно, эволюционная картина развития фольклорной традиции может быть представлена как чередование сколь угодно долгих периодов устойчивой неравновесности и коротких периодов сильной неравновесности, выводящих систему в новое квазиустойчивое состояние.

Как следует из названия работы, она имеет не только теоретический, но и прикладной характер. Большая часть исследования посвящена практическому применению ряда положений теории самоорганизации в анализе инновационных процессов, характерных для фольклорной традиции коми-зырян: спонтанность возникающих изменений, роль случайности в развитии системных свойств, самоорганизация заимствований, фрактальность как способ

самоорганизации, самосборка как локальный вариант самоорганизации. Собственно, в этом плане, одна из наших целей – это привлечь внимание исследователей к нереализованным или не до конца реализованным путям, которые имеются в современном научном дискурсе и которые могут оказаться полезными для построения общей теории фольклора.

Объектом исследования являются фольклорные инновации, связанные, прежде всего, с иноэтничными заимствованиями в фольклоре коми. **Предметом исследования** – инновационные процессы, отразившиеся в становлении локальной специфики фольклорной традиции коми. Именно этот пласт инноваций может быть выявлен эмпирически, путем комплексного исследования конкретных фольклорных явлений, их инклюзивности, включенности в систему жизнедеятельности этноса. Такая конкретизация дает ряд неоспоримых преимуществ:

- инновации, по определению, представляют собой наиболее поверхностный пласт культурного текста. Исследуя этот пласт, мы имеем возможность проникнуть в более глубокие слои, не теряя связи с фольклорной действительностью;

- инновация – это достаточно кратковременный процесс, соотносимый с доступными нам параметрами, поэтому, наблюдая за ее освоением, мы имеем возможность фиксировать динамику изменений, которые происходят в этот период в самой традиции;

- любое фольклорное (языковое) заимствование представляет собой своего рода «меченый атом», что позволяет проследить если не весь путь, то достаточно обозримый участок пути вхождения этой инновации в традицию;

- фольклорное заимствование, как чужеродный элемент, по определению, не обладает набором поэтических качеств, присущих исконным текстам (выработанными традицией способами формально-смысловой организации текстов). Это отличие дает возможность проследить процесс адаптации инновации к выработанным нормам, а также более конкретно зафиксировать этническую специфику фольклорной стилистики;

– выявив особенности освоения инноваций, определив некоторые алгоритмы их участия в процессах самоорганизации системы, мы обретаем возможность нового видения эндогенных инноваций, возникающих на микроуровнях фольклорной системы.

Цель работы – исследовать фольклорные инновации, характерные для традиционной культуры коми, и выявить роль инновационных процессов в механизмах самоорганизации фольклорной системы. Всю совокупность задач исследования, способствующих достижению его цели, можно распределить в три взаимосвязанные группы.

- *Первая группа* задач направлена на выявление специфики межэтнического взаимодействия, определившего особенности коми фольклорной культуры как объекта научного изучения:

- исследовать и обосновать специфику коми-русских фольклорных взаимосвязей, определивших основные параметры проникновения русских фольклорных заимствований в коми традиционную культуру;

- исследовать ижмо-колвинскую фольклорную традицию, возникшую в результате симбиоза этнографических групп коми-ижмцев и колвинских ненцев, и на основе полученных данных обосновать комплексный, синергетический подход к межэтническим фольклорным контактам.

- *Вторая группа* задач связана с практическим применением ряда положений теории самоорганизации в исследовании инновационных процессов: спонтанность возникающих изменений, роль случайности в развитии системных свойств, фрактальный принцип самоорганизации инновационных процессов. В связи с этим необходимо исследовать заимствования на самых разных уровнях фольклорной системы, на всех доступных наблюдению уровнях «масштабности»:

- исследовать, опираясь на народную терминологию, процесс вхождения заимствований в сферу игрового фольклора;

- исследовать механизмы включения в повествовательную традицию заимствованных сюжетов;

- исследовать механизмы самоорганизации ритуально-магических инноваций;

- исследовать механизмы самоорганизации календарных инноваций.

- *Третья группа* задач связана с изучением заговорной традиции коми как особой сферы инновационных процессов. В силу особого отношения к этой традиции как к закрытой, тайной области знания, мы имеем самое общее представление о ней. Тем самым, есть необходимость внимательнее рассмотреть эту подсистему культуры как целое, выявить в ней системообразующие факторы и на основе полученных наблюдений исследовать конкретные заговорные инновации, связанные с влиянием русской заговорной традиции и народной магии в целом:

- исследовать заговорную заумь как особое поле инновационных процессов, связанных с коми-русскими фольклорными контактами; реконструировать механизмы их самоорганизации;

- выявить и обосновать их системную роль в эволюции локальных фольклорных традициях;

- исследовать и обосновать взаимосвязь экзогенных и эндогенных процессов вхождения заимствований в традицию;

- на основе полученных данных рассмотреть иные эндогенные инновации как локальное проявление общих процессов самоорганизации, обосновать синергетические принципы их порождения.

В соответствии с целями и задачами **материалом исследования** выступает совокупность всех фольклорных, языковых, этнографических данных о традиционной культуре коми (зырян), полученных как из опубликованных и архивных источников, так и в результате многолетних полевых исследований локальных традиций коми и этнического пограничья (коми-русского, коми-ненецкого). При необходимости привлекаются материалы по фольклору коми-пермяков. Хронологические рамки этих материалов охватывают середину XIX – первые десятилетия XXI вв., которые в

том числе могут быть обозначены как период изучения коми фольклора. Специфике этого материала посвящена первая глава исследования.

Степень изученности темы. Представленное в диссертации синергетическое исследование фольклорных инноваций, выявление их роли в процессе самоорганизации фольклорной системы предпринимается впервые. Вместе с тем, отдельные аспекты заявленной научной проблематики изучались в рамках различных научных парадигм, но никогда в данной целостности.

То, что разнообразие и жизнеспособность культурных традиций базируется на возможности принимать и усваивать инновации, сегодня представляется общепризнанным фактом. При всей своей противопоставленности и традиция, и инновация взаимосвязаны и взаимообусловлены: любая традиция возникает первоначально как инновация, и ни одна инновация никогда не остается новшеством сколько-нибудь долгое время и может стать традицией.

На самом обобщенном уровне принято считать, что инновации могут быть двух типов – *экзогенными* (заимствованными из других культур) и *эндогенными* (возникшими в данной среде без влияния извне). Развивая и дополняя это положение, С. А. Арутюнов выделяет три способа вхождения инноваций в культуру: 1) спонтанная трансформация – это любая инновация, которая возникает внутри культуры за счет факторов ее собственного развития без влияний извне; 2) стимулированная трансформация – это инновация, которая, не являясь прямым заимствованием из какой-либо другой культуры, возникает под косвенным воздействием внешних обстоятельств; 3) заимствование – это инновация, которая связана с прямым внешним воздействием². По мнению С. А. Арутюнова, на пути вхождения инновации в культуру, она проходит четыре стадии: селекцию, воспроизведение или копирование, приспособление или модификацию и структурную интеграцию. Селекция заключается в отвержении одних инноваций (внутренних или привнесенных извне) и отборе других для последующего усвоения или переработки. Критерии этого отбора – необходимость такой инновации в

² Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 168.

данной сфере культуры, а также совместимость ее с традициями этноса или группы. Воспроизведение (копирование) – это ранняя, «пробная» стадия вхождения инновации в культуру. На этом этапе соответствующее нововведение как бы экспериментально принимается целиком, без каких-либо серьезных изменений. Если инновация находит отклик в культуре, начинается процесс ее модификации, «подгонки» под традиционные культурные формы, приспособления к специфике данного этноса. Этот процесс двусторонний: в нем изменяется не только сама инновация, но и традиционные элементы этнической культуры, вступающие с ней в контакт. И последний этап усвоения – это этап структурной интеграции, который преобразует инновации во что-то «свое», в часть этнической традиции³.

В соответствии с таким подходом любое инокультурное воздействие проходит достаточно жесткий отбор и долгий путь вхождения, в результате которого в культуре приживаются только те инновации, которые соответствуют ментальности и «картине мира» этноса-реципиента. Именно на таком понимании взаимодействия культур основана концепция «встречных течений» А. Н. Веселовского: эти «течения» создают условия и саму возможность заимствования. Согласно данной концепции усваивается лишь то, в чем есть потребность, причем предполагается обязательное наличие аналогий между воспринимаемой и воспринимающей традицией. Заимствование мобилизует возможности воспринимающей традиции, переорганизует имеющийся в ней фрагментарный материал (формулы, мотивы и пр.), рождая тем самым новое качество; усвоение всегда есть переделка и развитие в воспринимающей среде⁴.

Теория самоорганизации дает возможность по-новому взглянуть на энергетику процессов, происходящих в традиции, в том числе и на роль в этом спонтанных, случайных факторов. Любая инновация связана с

³ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. С. 174.

⁴ См.: Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX в. М., 1997. С. 355–370. Одна из последних попыток еще раз переоценить научное наследие А. Н. Веселовского предпринята в работе: Шайтанов И. О. Классическая поэтика неклассической эпохи. Была ли завершена «Историческая поэтика»? // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 82–135.

внутрисистемными изменениями, поэтому само деление инноваций на два типа – экзогенные (заимствованные из других культур) и эндогенные (возникшие в данной среде без влияния извне) весьма условно.

Исследуя ту или иную инновацию, можно сконцентрировать свое внимание на происходящих в системе преобразованиях случайного, спонтанного (=инновации) в системное явление (=традиция). Любая инновация как своеобразная форма беспорядка и хаоса может стать толчком к изменению фрактальной траектории, выходу на новые параметры упорядоченности. В состоянии, близком к точке бифуркации, во всем спектре возможных альтернатив именно случайность может определить путь дальнейшего развития.

Какова роль таких мутаций в развитии фольклорной традиции? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего попытаться выяснить, в каком состоянии находилась вся система. Если самоорганизующаяся система находилась в состоянии относительного равновесия, то колебания (флуктуации) могли пройти незамеченными, несмотря на их величины. Однако если система находилась в состоянии сильной неравновесности, то любое, самое незначительное, периферийное изменение могло вызвать перестройку ее уровней. Поэтому в постоянных попытках отделить нетипичное, случайное, «шум» от основной информации мы рискуем упустить этот момент. И наоборот, должно иметь в виду, что в основе многих типических явлений может быть случайность, вызвавшая перестройку определенного участка фольклорной действительности.

Вторая принципиально важная проблема, которая возникает в связи с предлагаемой концепцией, это проблема заимствований. Здесь можно выдвинуть такой тезис: любой заимствованный фольклорный артефакт, для того чтобы органично войти в систему традиции, должен пройти через те же самые аттракторы. И наоборот, если заимствование произошло, то оно отвечает необходимым параметрам порядка традиции. Кроме того, учитывая роль случайностей в организации всей системы, можно утверждать, что именно

заимствования (как случайные, внесистемные факторы) и играли ключевую роль в проявлении аттракторов.

Собственно, эти две проблемы и актуализируют признаки открытости и неравновесности фольклорной традиции как сложноорганизованной самоорганизующейся системы.

Научная новизна предлагаемого исследования определяется новым ракурсом изучения объекта с позиции синергетического подхода.

– Впервые основные фольклористические понятия («фольклорная вариативность», «изменчивость и традиция», «фольклорные инновации») представлены как компоненты синергетического процесса эволюции фольклорной системы. Этот эволюционный процесс представлен как чередование двух динамических периодов: состояния устойчивой неравновесности и сильной неравновесности (динамического хаоса).

– Впервые обоснована ключевая роль заимствований в бифуркационных переходах, определяющих вероятностный характер дальнейшего развития фольклорной традиции. Выявление параметров порядка в случайных явлениях раскрывает специфику механизмов самоорганизации, саморегуляции фольклорной системы.

– В новой интерпретации представлены основные типы коми фольклорных инноваций, связанных с заимствованиями из русской традиции. Выявлен широкий спектр инноваций, который ранее не связывался с процессом фольклорных заимствований и не рассматривался в таком контексте в силу очевидных для исследователей признаков автохтонности.

– Впервые порождение заговорной «зауми» рассмотрено как синергетический процесс, имеющий нелинейный, вероятностный характер. В ходе исследования этих инноваций выдвинуты две авторские гипотезы. Гипотеза первая: языковые трансформы, определяемые как заумь, могут возникать в результате компрессии грамматически правильного текста-источника (предтекста, прототекста) в ритмическую матрицу заговорного акта. Гипотеза вторая: компрессия прототекста в заговорный текст может иметь

нелинейный характер и являться результатом особой стратегии передачи заговорного знания от учителя ученику.

– Впервые применительно к механизмам порождения фольклорных сюжетов применены принципы супрамолекулярной самосборки. По авторской концепции, агрегация сюжетной структуры как «супрамолекулярного» образования рассмотрена как процесс структурирования его составляющих на основе возникающих в ходе аффективно-смыслового восприятия окружающей действительности «слабых», ассоциативных связей, комплементарных по форме или содержанию.

Поскольку данная работа прежде всего фольклористическая, **методологической и теоретической основой** исследования послужили классические труды по теории фольклора А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, К. В. Чистова, Ю. М. Лотмана, С. Ю. Неклюдова и ряда других. Для выявления и понимания инновационных процессов и связанных с ними спонтанных явлений использована методика сквозного исследования фольклорно-этнографических, лингвистических, исторических материалов. При сборе полевого материала были использованы методы интервьюирования и включенного наблюдения. При изучении фольклорных нарративов применялись методы структурно-семантического, семиотического, фоносемантического, этнолингвистического анализа. В применении к отдельным фольклорным инновациям использованы также принципы лингвосинергетики и метод позиционного анализа, позволившие дать объяснение процессам, протекавшим в структуре конкретных текстов. С целью осмысления возможности интеграции синергетической методологии в область фольклористики нами были использованы научные положения теории диссипативных структур (И. Пригожин), системности в синергетике (Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов; Г. Малинецкий), фрактальной геометрии (Б. Мандельброт), лингвосинергетики (И. А. Герман, В. А. Пищальникова), синергетической теории текста (Г. Г. Москальчук, Н. А. Манаков), текстосимметрии (А. Ю. Корбут).

Теоретическим основанием концепции данного диссертационного исследования послужила синергетическая теория, ключевыми понятиями которой являются самоорганизация, открытые системы, нелинейность, устойчивая неравновесность, динамический хаос, бифуркация, эмерджентность.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Согласно концепции самоорганизации, фольклорная традиция способна к длительному, квазиустойчивому существованию как неравновесная система в непрерывном материально-энергетическом потоке. В контексте «устойчивой неравновесности» фольклорная вариативность выступает не только как форма бытования фольклорного текста (и фольклорной традиции в целом), но и как способ саморазвития фольклорной системы. Постоянные, спонтанные, неуправляемые изменения (флуктуации) на нижних уровнях системы обеспечивают стабильность на более высоких, таким образом традиция сохраняет то, что наиболее соответствует ее отношениям со средой.

2. Эволюционная картина всей традиции выглядит как цепь чередований спокойных и сильно неравновесных периодов. Переход фольклорной системы в сильно неравновесное состояние напрямую связан с активизацией межэтнических взаимодействий. Для коми фольклорной традиции – это прежде всего контакты с русской культурой и инновационные процессы, связанные с заимствованиями из русского фольклора. Освоение заимствований имеет вероятностный характер, поскольку в состоянии сильной неравновесности любое заимствование может вызвать перестройку определенного участка системы, определить его дальнейшее развитие. В активном состоянии любая случайность может определить вектор дальнейшего развития того или иного участка традиции. В результате такой необратимости возникают уникальные и неповторимые явления с эмерджентными свойствами. Именно они создают специфичные черты данной локальной традиции.

3. Глубокое проникновение русского языка в коми фольклорно-языковую среду проявилось в самоорганизации иноязычных инноваций в двуязычные фольклорные произведения, составившие особую субязыковую подсистему автохтонного фольклора, определяемую как «заумь». Наиболее ярко это явление наблюдается в области вербальной магии. Этот процесс также демонстрирует нелинейность развития фольклорной системы.

4. На отдельных участках микроуровней фольклорной системы проявляется феномен самосборки как частный, узколокальный вариант самоорганизации, приводящей к формированию упорядоченных структур за счет взаимодействия между частицами данной среды, без внешнего специфического воздействия. В филологическом контексте результатом такой эндогенной, обусловленной внутренними свойствами локальной среды самосборки может стать фольклорный артефакт как структурированный объект. Актуализированная в работе концепция самосборки сюжетной структуры представляет собой один из возможных примеров синергетического процесса эволюции системы от неупорядоченности к порядку в фольклорном текстообразовании.

Практическая значимость работы заключается в привлечении внимания исследователей к аспектам становления синергетической концепции фольклорной традиции, основанной на классических представлениях о фольклоре и фольклорных процессах. Понятия «вариативность», «замысел фольклорного произведения», «изменчивость», «традиция и инновация», «вероятностность» в русле синергетической парадигмы обретают новое наполнение, расширяющее представления о фольклорном творчестве.

Основные выводы и положения диссертации могут быть использованы при подготовке спецкурсов, лекционных и практических занятий по фольклору.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий, вузовских курсов по фольклористике, нацеленных на изучение общенаучных, системных представлений о возникновении и эволюции сложноорганизованных, самовозобновляемых систем.

Достоверность исследования обеспечивается теоретическими положениями и методологическими принципами фольклористики, применением комплекса методов, адекватных цели, предмету и задачам исследования, сопоставлением полученных данных с результатами исследований других авторов, непротиворечивостью данных предварительного и основного этапов работы, репрезентативностью выборки текстов, использованием методов и приемов интерпретации текстов, выработанных не только фольклористикой и этнологией, но и этнолингвистикой, лингвистикой текста, лингвосинергетикой, культурологией.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в виде докладов на международных и всероссийских конференциях: Международной научной конференции «Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры» (г. Сыктывкар, 9–11 мая 1996 г.); Международной конференции «Финно-угорские народы: Проблемы этнической и языковой идентификации» (г. Сыктывкар, 1999 г.); Международной конференции «Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы» (г. Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.); IX Международном Конгрессе финно-угроведов («Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum») (г. Тарту, Эстония, 7–13 августа 2000 г.); Международной научно-практической конференции «Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере» (г. Архангельск, 16–18 сентября 2002 г.); IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003» (г. Петрозаводск, 15–19 сентября 2003 г.); Втором Московском Международном Фестивале и конференции визуальной антропологии «Традиции и объектив. В Поисках цельности» (г. Москва, 24–28 мая 2004 г.); – X Международном конгрессе финно-угроведов (г. Йошкар-Ола, 2005 г.); VI Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.); V Международной научной конференции «Семиозис и культура: методологические проблемы

современного гуманитарного знания» (г. Сыктывкар, 17–18 апреля 2008 г.); Международном симпозиуме «Народная медицина в системе культурной адаптации населения Европейского Севера: Итоги и перспективы междисциплинарных исследований» (г. Сыктывкар, 2008 г.); Международной конференции «Калевала в контексте региональной и мировой культуры» (г. Петрозаводск, 2–4 июня 2009 г.); Втором Всероссийском конгрессе фольклористов (г. Москва, 1–6 февраля 2010 г.); Международной конференции «Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы» (г. Сыктывкар, 2013 г.); Международной конференции «Семиозис и культура: интеллектуальные практики» (г. Сыктывкар, 30–31 мая 2013 г.); V Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (г. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.); Международной конференции «Estonian Folklorists' 12th Winter Conference» (г. Тарту, 2–3 марта 2017 г.); Международной конференции «Эпическое наследие народов мира: традиции и этническая специфика» (г. Якутск, 6–8 июля 2017 г.); IV Всероссийском конгрессе фольклористов (г. Тула, 1–5 марта 2018 г.); Международной конференции «Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве» (г. Сыктывкар, 14–15 декабря 2018 г.); VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (г. Ижевск, 4–7 июня 2019 г.); II Сибирском форуме фольклористов (г. Новосибирск, 18–20 октября 2021 г.); Международной онлайн-конференции «Финно-угорский музыкальный фольклор и XXI век: исследование, воспроизведение, ресурсы» (г. Петрозаводск, 1–3 декабря 2021 г.); Конференции «IV Международные чтения памяти В. М. Гацака “Традиции во времени”» (г. Уфа, 1–5 июня 2025 г.); Международной научной конференции «Эпос в контексте мировой энциклопедистики» (г. Якутск, 20–21 ноября 2025 г.).

Результаты исследования были обсуждены на заседании отдела языка, литературы и фольклора, на заседании Ученого совета ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, а также отражены в 50 публикациях по теме диссертации.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы. Во введении делается обоснование актуальности работы, степени ее новизны, определяются объект и предмет диссертационного исследования, формулируются его цель и задачи, анализируется историография и источники исследования. Первая глава посвящена специфике межэтнических взаимосвязей, характерных для фольклора коми, и связанных с ними инновационных процессов; остальные главы представляют собой аналитические изложения конкретных явлений самоорганизации, фиксируемых в фольклорной традиции коми. В заключении приводятся основные выводы по работе. Текст диссертации завершается списком сокращений и библиографическим списком, насчитывающим 322 издания.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, дана оценка степени научной разработанности проблемы, охарактеризованы источники, сформулированы цели и задачи исследования, определены его методологические основания, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов.

Глава 1 «Специфика межэтнических связей в фольклоре коми» посвящена общей характеристике фольклорных взаимосвязей, характеризующих специфику коми традиционной культуры. В **первом параграфе** «К специфике коми-русских фольклорных взаимосвязей» дана общая характеристика коми-русских межэтнических контактов, обозначена их фольклорно-языковая специфика, определившая основные параметры фольклорных заимствований. Во **втором параграфе** представлена ижмо-колвинская фольклорная традиция, возникшая в результате контактов северных коми и ненцев, и известная, прежде всего, в связи с открытием северно-коми эпоса. Она может быть рассмотрена как уникальный объект изучения

процессов, связанных с рождением новой культуры с эмерджентными, ранее не присущими ни одной из контактирующих традиций, свойствами. Уникальность этой фольклорной культуры связана и с тем, что ее рождение и угасание происходило в исторически обозримом времени и пространстве. За короткий срок (конец XVIII – первая половина XIX вв.) произошло взаимосближение двух абсолютно разных культур: коми-ижемцы освоили оленеводство и мир оленеводов-кочевников, а колвинские ненцы перешли на оседлый образ жизни, переняли язык и обычаи ижемских коми. В контексте синергетической парадигмы все рассмотренные в этом разделе «надфольклорные» факторы глубоко взаимосвязаны и с жизнью фольклорной культуры как таковой. Соединившись в единый культурогенный импульс, они вызвали взрывоподобное (всего за несколько поколений) рождение новой фольклорной эстетики и уже не делимой на этнические слагаемые новой традиции. Возникла особая субкультура полукочевых оленеводов с уникально продуктивной фольклорной системой, биэтничной и билингвальной в своих истоках.

Важной частью синергетической парадигмы является теория фракталов, связанная с исследованием объектов с особыми свойствами, которые продуцируются самоорганизующимися системами. Слово «фрактал» происходит от латинского *fractus* – «изломанный», и указывает, прежде всего, на характерную для фрактала дробную размерность⁵. Процесс эволюции такой системы и есть дробное, самоподобное переходное состояние-процесс, отражающее два важных принципа – принцип подобия части и целого, и принцип иерархической упорядоченности. Для того, чтобы внести в фольклористический инструментарий понятие фрактального самоподобия, надо, прежде всего, посмотреть под новым углом зрения на характерные для фольклорного творчества проявления изоморфизма или гомоморфизма

⁵ *Мандельброт Б. Б. Фрактальная геометрия природы: Пер. с англ. М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002.*

(частичного подобия), наблюдаемые на самых различных уровнях фольклорной системы.

В главе 2 «Фрактальное самоподобие в инновационных процессах» рассмотрен ряд конкретных заимствований, проявляющих принцип фрактального самоподобия на разных уровнях (подсистемах) фольклорной традиции. Несмотря на разнородность анализируемого материала, механизмы освоения заимствований достаточно универсальны и могут иметь несколько степеней сложности, которые зависят как от качественно-количественных характеристик заимствуемого явления, так, вероятно, и от степени неравновесности традиции в данный момент. Наиболее простой уровень, который мы можем наблюдать, связан с ситуациями, когда абсолютно спонтанная односложная (на уровне одной лексемы) аттракция вызывает кумулятивный эффект. **Первый параграф** посвящен постановке проблемы фрактального самоподобия. **Во втором параграфе** «Образ радуги в фольклоре коми» рассмотрена показательная во многих отношениях ситуация, связанная с образом радуги в коми фольклоре. В русле народной этимологии коми слово *ёшкамёшка* 'радуга' можно понять буквально как «бык с коровой» – *ёшка-мёска*, что определенным образом подкрепляется и наличием омонимичных обозначений радуги (*енёш*, *енёшка* 'радуга', соответственно, можно перевести как 'божий, небесный бык'). Эта аттракция «срабатывает» в заимствованном сюжете цепевидной вопросно-ответной песни-сказки с конструктами «Где вода? – Быки выпили. – Где быки? – В гору ушли». Так возникают две равноправные версии одного и того же сюжета: «земная» версия с быком / быками-коровами и «небесная» – с образом радуги, возникший в результате квазиэтимологической интерпретации. Далее, образ радуги порождает цепь совершенно случайных мифологических ассоциаций, а случайно возникший в тексте образ мыши разворачивает эту космологическую структуру еще дальше, возникают новые космологические «прочтения». В совокупности всех спонтанно возникающих вариаций именно в коми традиции этот сюжет начинает представлять собой уникальную концентрацию в одном текстовом

пространстве не только архетипичных концептов (огонь, вода, гора, небо), но и широкого списка культурных универсалий, представляющих собой иерархическую пирамиду архаичного порядка, соотносимых с первоначальным опытом структурирования Космоса.

В третьем параграфе «Горань» рассмотрена картина взаимодействия микро- и макроуровней традиции, объединяющая множество спонтанных вариантов адаптации заимствований в игровой традиции. В результате освоения заимствованного фольклорного текста, связанного с игрой «золото хоронить», многократно повторяемое слово «хороню» трансформируется в формулу-термин «гораньсы ворсны» (играть в «горань»). Возникает паронимический аттрактор «*хороню* – *короню* – *гороню* – *горань*», который начинает «притягивать» доступные ассоциативные смыслы. В результате этого возникает ряд абсолютно случайных паронимических ассоциаций, многие из которых перерастают в квазиэтимологические мотивировки: *горань* – *гор ань* ‘банница’, *горань* – *син гуран* ‘глазная впадина, глазница’ (актуализирующая мотив слепоты), *горань* – *гор ань* ‘стряпуха’, *горань* – *гора ань* ‘громкоголосая женщина’, *горань* – *Горка* (усть-цилемские летние игрища). Таким образом, в результате спонтанного освоения инновации возникает организованный по фрактальному принципу интертекст, соединяющий несколько уровней традиции.

В четвертом параграфе «Магический обряд на смерть «ректасем» рассмотрена ситуация трансформации заимствованного лечебно-магического обряда с типичной для многих традиций процедурой «вымеривания» болезни в мортальный обряд. В ходе анализа языковых, фольклорных и этнографических данных был выявлен широкий ряд эндогамных, «внутренних» предпосылок к возникшей инверсии «жизнь > смерть». Реконструированную здесь фрактальную структуру организует «сквозная» тема «человек – мера – смерть», которая разыгрывается на разных уровнях культурного метатекста и закрепляется в самом термине *ректасем* ‘опрастывание’. В эту «нишу» в результате заложенных «предпосылок» инкорпорирован и сам обрядовый

текст. Таким образом, инновация входит в традицию в качестве еще одного слоя или структуры, придающей новое содержание «притянутым» по формальным признакам фольклорным фактам.

Еще один уровень «масштаба» наблюдаемых процессов самоорганизации предоставляет рассмотренный в **пятом параграфе** заимствованный сюжет о варке сусла. Здесь на примере многих вариантов записи мы можем наблюдать и его развитие, и его разрушение. Возникший, вероятно, в двуязычной среде случайный перевод *судно* 'посуда' > *судно* 'корабль' порождает новый хронотоп сюжета, который находит совершенно иную мифопоэтическую проекцию. При заимствовании сюжета соблюдается его исходная формально-смысловая организация, но диалоговая часть – лексико-семантическое ядро сюжета не переводится на коми язык, а сохраняется как «русскоязычный текст в тексте». В результате этого возникает двуязычный сюжет, который начинает обыгрываться как типичная ситуация столкновения двух знахарей: своего (коми) и чужого (русского). Соответственно диалог между ними становится микротемой словесного состязания в магической силе, а говорение на русском языке реализуется как переключение на магический язык.

Продолжая движение от частных проявлений к общим принципам самоорганизующейся системы, в **главе 3 «Календарные инновации»** рассмотрены три инновации, связанные с календарной обрядностью коми.

Первый параграф «Святочные духи и образ мороза» направлен на выявление взаимосвязи святочных представлений с одним из наиболее специфических мифологических образов коми-зырян – образом *трескучего мороза*, зафиксированного и в мужских, и в женских ипостасях. Имея достаточно скудные сведения об этом персонаже, мы, опираясь на общие принципы самоорганизации, попытались обобщить все имеющиеся в нашем распоряжении материалы о «зимней» – конкретнее – святочной мифологии во всех ее микролокальных воплощениях. Результаты проведенного исследования позволили сказать, что тема «трескучего мороза» стала общим аттрактором и для мифологического образа *трескучего мороза* и для микролокальных

представлений о святках. Совершенно традиционный набор святочных мотивов и представлений начинает выступать в абсолютно ином качестве, наполняется новым смыслом: святки становятся метонимическим обозначением святочных морозов, активизация святочных духов – активизацией мороза, «деревянный шум» – метонимией «трескучего мороза», треск расщепляемых и ломаемых лучин – оживающего демона; арготическое *шинпуля*, восходящее к локальному наименованию святочного духа, становится метонимическим обозначением мороза. Принципиально важно, что этот аттрактор «сработал» именно в условиях высокой степени нестабильности коми фольклорной традиции и, соответственно, вариативной неустойчивости микролокальных календарных представлений.

Еще одна календарная инновация, рассмотренная во **втором параграфе**, связана с абсолютно случайным попаданием в контекст календарных представлений имени Демьян Бедный. В результате проведенного исследования выявлено, что этот окказиональный хрононим был «предопределен» целым рядом мотивировок, уже характерных для осеннего дня Кузьмы-Демьяна, обозначив своим именем аттрактор «Демьян – бедность», вызвавший перестройку широкого спектра традиционных представлений о календарной дате. Здесь и адаптация к хозяйственной деятельности и гендерное «перераспределение», закрепившее за этой осенней датой статус всеобщего женского праздника с братчинным пиром, символизирующим завершение земледельческого года и переход к потреблению накопленного урожая – «богатства». Здесь и амбивалентное отношение к осеннему богатству, проецируемое на регламентацию брачных отношений. Здесь и собственно языковые аттракции, между кузьма-демьяновским двузначным *во* 'год/урожай', «каस्याновым годом» и «демьяновым месяцем», выдвигающие на первый план мотивы «бедности-несчастья», «случайно» зафиксированные в микролокальном хронониме Демьян Бедный. Так, из множества несвязанных и случайных факторов возник общий вектор самоорганизации на данном участке системы.

Как дальнейшее развитие темы спонтанности инновационных процессов, в **третьем параграфе** рассмотрена еще одна календарная инновация, связанная с совпадением *Степанова дня* (дата успения св. Стефана Великопермского 9 мая н.с.) с Днем Победы. Эта случайность породила сюжеты о «Степановом дне Победы», а в коми традиционной картине мира *Степанов день*, едва ли не в первую очередь, стал ассоциироваться с темой Победы в Великой Отечественной войне. Рассмотрев некоторые нововведения в цикле преданий о Стефане Пермском, мы выявили достаточно широкий ряд эндогамных, «внутренних» предпосылок к появлению новых мотивов и сюжетов. Перед нами одна и та же «сквозная» метафора «великий», разыгрываемая (самоповторяемая) на разных уровнях культурного метатекста. Именно в эту «нишу», опять же в результате заложенных «предпосылок», инкорпорированы все инновации, связанные с образом «победителя». Выявленные нами самоповторы метафоричны по отношению друг к другу, а возникающий в результате такой самоорганизации образ Степана Великого метафоричен по отношению к историческому прототипу. В синергетическом понимании эта метафоричность и есть проявление фазовых переходов, в результате которых возникает новый параметр порядка на определенном участке системы, а сам концепт «великий» сыграл роль аттрактора для данного участка фольклорной системы.

Глава 4 «Самоорганизация заговорных инноваций» посвящена инновационным процессам, связанным с одним из наименее изученных пластов коми фольклора – заговорной традиции. С одной стороны, в традиционной культуре существовали и существуют достаточно жесткие установки к использованию и трансляции магических знаний. С другой – вовлеченная в сферу активных межэтнических фольклорных взаимодействий заговорная традиция испытывает на себе те же механизмы самоорганизации, обнаруживает ту же фрактальность. Именно благодаря фрактальному самоподобию в эзотерической традиции возникают новые «ниши», в которые органично «вписываются» инновации.

Первый параграф «Фрактальная организация заговорной традиции *нимкыв видзем*» посвящен реконструкции концептуальных составляющих вербально-магических представлений коми. Выявлено, что под влиянием инноваций заговорная традиция *нимкыв видзем* стала представлять собой многоуровневую и многократно продублированную концептуальную картину, соответствующую фрактальному принципу самоорганизации. В результате такого структурирования в метатексте заговорной традиции возникают «самоподобные» текстологические «ниши», которые заполняются заговорными инновациями: заимствуемыми русскими заговорными текстами, молитвами, новыми нарративами, возникающими на основе синтеза традиционных знаний. Однако при всех этих нововведениях традиция сохраняет свою структурную идентичность.

Второй параграф «Самоорганизация заговорной зауми» посвящен одной из наиболее проблемных составляющих заговорной традиции, связанной как с освоением русскоязычных заговоров, так и с реализацией магического «иностранного», в качестве которого используются знания русского языка. Постановке этой проблемы посвящен **первый раздел** этого параграфа.

Раздел 2 второго параграфа посвящен исследованию заговорной версии распространенного кумулятивного сюжета «Пан тшын» (Дым жреца), названного так по одному из наиболее устойчивых образов. Рассматриваемый сюжет проявляет, с одной стороны, функциональную и лексическую неопределенность, а с другой – удивительную устойчивость. В коми традициях этот сюжет зафиксирован в самых различных жанровых версиях. Все анализируемые здесь тексты представляют собой «номинативную» заумь, а предваряющий заумный ряд глагол *тшынасе* ‘дымится’ – своим грамматическим значением времени (всегда настоящее время) задает дискурсивный план всему тексту. Поэтому можно говорить об абсолютной тождественности нарративного (повествовательного) и дискурсивного (воспроизведения, речи) режимов. Для заговорных текстов эта перформативность и определяет его магическую функцию, когда произнесение

становится равным творению. Соответственно, зачин «На той стороне дым дымится» в потенциале уже содержит и задает прагматическую установку на пространственно-временную перекодировку мира. Вся последующая вопросно-ответная часть может быть рассмотрена как реализация этой прагматики; при этом, несмотря на заумность текстов, пространственный код здесь достаточно ясно выражен и на лексическом уровне. В анализируемых заговорных текстах можно выделить целый ряд пространственно-ориентированных объектов: *эта сторона / другая сторона – верх – небо (бог) – (гора, холм) – лес – река / реки – стол – ловушка*. Такая пространственная «композиция» соотносима с известным композиционным приемом сужения образов, только здесь «язык пространства» дублирует вербально выраженный мотив собирания добычи к ловушке. Кроме того, в соответствии с заданным инициальной формулой кодом все эти локусы в совокупности могут быть интерпретированы как свернутая схема космического порядка, воплощаемая по мере исполнения заговора.

В разделе 3 второго параграфа «К специфике самоорганизации заговорной зауми» проанализирован еще один заговорный текст, связанный с детской промысловой практикой и, соответственно, с «культурообразующей» для коми-зырян сферой охотничьей магии. Он представляет собой достаточно типичную для традиции контаминацию коми и русских компонентов, но при этом его автохтонность сложно подвергнуть сомнению. Это заговор на клестов, используемый в подростковой промысловой практике, произносится при установке силков: *Кальцы кальцы сюр-ньыр сюр-ньыр, сер борд сер борд нам белогом дам садись*.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что все уровни «неправильностей» данного текста взаимообусловлены и, по всей видимости, вторичны по отношению к ритмической структуре заговора. Таким образом, именно ритм как динамический фактор текстообразования порождает и организует заговорный текст. На основе предварительных выводов сформулирована гипотеза: языковые трансформы, верифицируемые как заумь, могут возникать в результате компрессии грамматически правильного текста-

источника (предтекста, прототекста) в ритмическую матрицу заговорного акта. Под ритмической матрицей понимается сложноорганизованная, фиксированная структура ритмических подсистем: метрико-ритмической, звукоритмической, ритмомелодической и других размерностей. В контексте синергетической концепции языкового текста наше определение ритмической матрицы может быть опосредовано синергетическим представлением о метроритмической матрице, понимаемой как ритм самой структуры целого. Метроритмическая матрица встроена в текст и неосознанно воспроизводится человеком.

В разделе 4 второго параграфа «Метроритмическая матрица как структура-аттрактор» полученные аналитические выкладки применены к еще одному заговорному тексту, «чужеродность», то есть русскоязычность, которого столь же очевидна, как и автохтонность предыдущего. Здесь проанализирован один из типичных промысловых заговоров («заговор на то, чтобы ястреб/коршун не поедал дичь из силков и слопцов»), возникший в результате синтеза вербально-магических знаний:

Господи бог благослови Иисус Христос сын божий

Стоит столб железный до небесного облака

Сидит Ясен-Сокол и бил черные ворона

Раб божий (ним 'имярек') (киястѡ пасьѡкѡдѡмѡн колѡ шуны 'раскинув руки, надо произнести'): «Я сам Иисус Христос».

В тексте нет ни одного коми слова, заговор составлен из фрагментов какого-то русскоязычного прототекста (или прототекстов), «собранных» воедино по определенной логике и поэтической «матрице». Ключевым здесь является перформанс «руки как крылья», воплощающий и образ распятия, и образ птицы. В результате спонтанно возникшей трансформации вербально-магического акта создается символическая реальность, в которой образ охотника-заклинателя сливается с образами Ясен-сокола и Иисуса Христа, защищающими промысловую добычу.

В разделе 5 второго параграфа «К проблеме самоорганизации зауми: гипотеза порождения заговорного текста» рассмотрен еще один заумный

заговор, связанный с традиционной магико-медицинской практикой: *Курила мура / Прокö Ермила / Святого сын / Под забор упал*.

Судя по действиям, сопровождающим заговаривание, перед нами вариант распространенного в коми традиции магического лечения от сглаза – *вомидз*, в котором опрыскивание и отпаивание заговоренной водой могут дополнять друг друга. Исследуемый текст состоит из двух отличающихся и по формальным и по смысловым признакам частей (Микротекстов): Микротекст 1 – явно деформированный до морфологической зауми фрагмент русскоязычного текста; Микротекст 2 представляет собой грамматически правильное предложение на русском языке: «Святого сын под забор упал», представляющее собой синтаксическую заумь. Реконструированные нами компоненты заговорного прототекста демонстрируют нелинейный характер его трансформации в конечный текст. Часть заговора (Микротекст 2) представляет собой лексико-синтаксически верифицированную как «русскоязычное предложение» комбинацию компонентов формул «Во имя отца и сына, и святого духа (аминь)» и «Спасова рука». При этом компонент «Святого – сын» занимает позицию гармонического центра текста заговора («золотая пропорция») и позицию гармонического центра молитвенной формулы, то есть представляет собой нелинейный «концентрат» исходного прототекста. Инверсия компонента <сына и святого> → *святого сын(а)* может быть связана с принципом телеологичности «сборки» конструкции заговора (от конца к началу). Трансформация «Спасова рука > под забор упал» возникла в результате интонационного и артикуляционного усиления, характерного для вербально-магического регистра (озвончение /S/ > /Z/; напряженное щелевое /v/ > /b/). Первая часть заговора представляет собой микротекст с деформированной лексико-семантической структурой (морфологическую заумь), также верифицируемый как русскоязычный. Фоносемантические характеристики этой зауми могут быть объединены в общий звукосимволический образ «круговое движение, вращение жидкости», весьма

точно соответствующий и акциональному уровню, и метрико-ритмической структуре заговора в целом.

В результате проведенного исследования выдвинута еще одна гипотеза порождения подобных текстов: компрессия прототекста в заговорный текст может иметь нелинейный характер и являться результатом особой стратегии передачи заговорного знания от учителя ученику. В силу определенных психофизиологических установок и ограничений ученик не запоминает сам заговорный текст, а воспроизводит более глубинные уровни магико-ритуального перформатива, связанные с ритмической матрицей. И уже в эту матрицу, воспроизведенную его сознанием, встраивается новый вербальный ряд, собранный из компонентов текста-источника, зафиксированных кратковременной памятью обучаемого. Можно предположить, что словесный текст конструируется – самособирается «снизу вверх», то есть от звуко-ритмических ассоциаций к слоگو-ритмическим, морфемо-ритмическим (из слоگو-ритмических ассоциаций собираются морфологические подоби́я), лексико-ритмическим (из морфологических соответствий собираются лексические подоби́я), и далее лексико-синтаксическим. Первая часть текста «застывает» на предпоследнем уровне, превращаясь в морфологическую заумь. То есть «заумность» – это результат компрессии словесного материала в ритмическую структуру, и в идеале, новый текст мог бы полностью соответствовать доминантным нормам связности и цельности.

Таким образом мы переходим к еще одной составляющей синергетической концепции, связанной с «техническими» проблемами порождения фольклорных текстов. Этим проблемам посвящена **глава 5 «Самосборка сюжета в фольклоре»**.

Первый параграф главы 5 посвящен постановке проблемы самосборки. Понимая общие принципы самоорганизации всей системы в целом, мы можем перейти от макроуровней системы к ее микроуровням, связанным с возникновением и вхождением в общую фольклорную систему сюжетных инноваций, проявляющих те же принципы самоорганизации на локальном

участке традиции. В самом общем смысле самосборка – это локальная самоорганизация на одном из иерархических масштабных уровней на основе свойственных этому уровню взаимодействий. Для самоорганизации характерны понятия бифуркации и потери устойчивости, приводящей к установлению незатухающего процесса, аналога которому нет в методологии процесса самосборки. Самосборка – процесс, в котором принимают участие только компоненты, включаемые в собираемую структуру. Результат самосборки – это некоторая конечная структура. В нашем филологическом контексте результатом самосборки может стать фольклорный артефакт как структурированный объект.

Современное понятие «самосборка» выводит нас, прежде всего, к исследованиям в области биохимических процессов, связанных с образованием «субмолекулярных» (надмолекулярных) объектов, основанных на слабых, нековалентных взаимодействиях комплементарных частей. Под самосборкой понимается процесс, в котором небольшие молекулярные компоненты самопроизвольно соединяются вместе, образуя намного более крупные и сложные супрамолекулярные агрегаты. Молекулярная самосборка является важным аспектом подхода «снизу вверх»: параметры итоговой структуры задаются формой и функциональными группами молекул. В переводе на язык лингвистики – агрегация текста как «супрамолекулярного» образования может быть рассмотрена как процесс структурирования его составляющих на основе «слабых», ассоциативных связей, комплементарных по форме или содержанию. В соответствии с предлагаемой интерпретацией ассоциативно-смысловые связи, участвующие в создании «супрамолекулярного» макрообъекта–текста, «текстогенны» по своей «физике». Такое положение отвечает исходным постулатам текстоцентрического подхода в исследованиях вербальных ассоциаций. В рамках этого подхода ассоциативное поле рассматривается не просто как совокупность всех слов-реакций на определенный стимул, а как совокупность различных текстов-реакций (или фрагментов таких текстов), которые так или иначе вступают в парадигматические отношения со словами –

стимулами⁶. Ну и что не менее важно в контексте фольклористических исследований – «супрамолекулярная» интерпретация еще раз возвращает к исходным представлениям об ассоциативно-образном характере художественного слова, проявляющем текстообразующую сущность заложенных в тексте ассоциативных связей. Несомненно, структура художественного произведения представляет собой сложнейшую иерархию ассоциированных структур, в число которых входит и структура сюжета. Одному из возможных путей ее порождения и посвящена данная глава.

В качестве исходного объекта анализа был выбран сюжет предания об убийстве князя Василия Вымского (**Раздел 2 первого параграфа**). Помимо того, что в фольклорной традиции бытуют предания об этом событии с четкой фиксацией места убийства (место могут показать и сейчас), факт убийства князя в 1480 г. зафиксирован в письменном источнике XVI века – Вычегодско-Вымской летописи⁷. Таким образом, возникает уникальная возможность сопоставить фольклорную и историческую версии этого надежного по аргументации события местной истории. Однако проведенное нами исследование привело к парадоксальному выводу: в исторической действительности никакого строительства «города на Турею» не было, и вымичане не убивали князя Василия Вымского. Сюжет об этом историческом событии имеет чисто фольклорные корни и возник в результате народно-этимологического осмысления случайно оказавшихся рядом топонимов *Кар яг* ‘городищенский бор’ и *Васес виям* ‘проток в водоем-васес’.

Раздел 3 первого параграфа «Самосборка сюжета предания об убийстве Василия Вымского» посвящен выявлению механизмов порождения этого уникального сюжета. Согласно наиболее общему представлению о жанре преданий, структурным стержнем этого вида повествований выступает

⁶ См. об этом: Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л., 1989; Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: языкознание и порождение речи. М., 1991. С. 221–237; Овчинникова А. Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Пермь, 1994.

⁷ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Выпуск 4. С. 257–271.

событийный сюжет – как определенный способ художественного осмысления, организации событий. В анализируемых текстах есть устойчивый событийный ряд, организованный сюжетом, – последовательная цепь событий, связанных и в пространстве-времени, и причинно-следственной логикой. Кроме того, в нашем распоряжении есть исходный событийный компонент, связанный с переосмыслением гидронима *Vases виям*. Чтобы понять, как возник сюжет, мы попытались повторить тот путь, который должно пройти нарративное сознание, направляемое сюжетным «вектором» с известной начальной координатой – место убийства. Отталкиваясь от обоснованных в начале этой главы принципов субмолекулярной самосборки, мы представили искомую последовательность в виде пошагового движения «снизу вверх», т.е. от микрокомпонентов к макроконструкции всего сюжета. Гидроним *Vases виям* ‘проток из водоема-*vases*’ под воздействием паронимических аттракций деэтимологизируется в микротопоним *Vases вийѳм шор* ‘ручей, где убили Васю/ Василия’. Получив такую событийную предикацию, т.е. превратившись в свернутый топонимический мотив «место убийства Василия», эта связка начинает структурировать вокруг себя ассоциативно-смысловое поле. Контуры этого поля определяются тем, что мотив убийства уже обладает минимальным набором предикативных позиций и минимальной топологией (определенная событийная последовательность «до» – «после»), к которой необходимо подобрать подходящий хронотоп. Далее, вокруг этой связки-мотива возникает событийная матрица «инициальная ситуация – причинно-следственная связь – финальная ситуация» с «пустыми» позициями, которые заполняются в ходе дальнейшего ассоциативно-смыслового развертывания. Эта событийная матрица уже обладает определенной логической структурой, поскольку финальная субъектно-объектная триада (субъект S – действие A – объект O) формирует свое «зеркальное» отображение – т.е. инициальная часть потенциально обладает подобной же субъектно-объектной триадой, но зеркально противопоставленной ($S^{-1} - A^{-1} - O^{-1}$), как, собственно, начало и конец. Соответственно, возникают контуры некоего анти-события с анти-

ролями (т.е. меной субъектно-объектных позиций). Таким образом, мы уже имеем исходную конфигурацию инициальной части: если финал связан с убийством, то в антропоцентрической проекции начало каким-то образом должно быть связано с рождением; если в финале Василий – объект убийства, то в инициальной части – он субъект действия «рождение». Далее, эта структура, уже имеющая локальную привязку (место действия) проецируется на топографию местности в поисках подходящего хронотопа. В поле ассоциативно-смыслового притяжения попадает м. *Кар яг* 'Городищенский бор', находящееся ниже «места убийства» на два километра. Далее, возникает ключевая для дальнейшего развития сюжета ассоциативная связка: «рождение» + «город» => мотив «строительство города/ городища». Этот мотив строительства стимулирует выравнивание противоположной пары: «убийство Василия» => «убийство строителя Василия». Так, в результате несложных ассоциативных аттракций возникает общий контур искомого нами событийного ряда: «некто Василий строил город в местечке *Кар яг*, и его убили у ручья *Васес вийõм шор*». Дальнейшее усложнение ассоциативно-смысловых связей уже направлено на конкретизацию и детализацию этого «контура». Качественно-количественные связки конкретизируют образ городища/города и приводят к появлению мотива строительства «большого» = «каменного» города; мотив «строительство каменного города» проецируется на субъектно-объектный уровень событийной матрицы. Соответственно: субъект действия «строительство» – строитель Василий («один»), объект действия – город; на противоположном полюсе структуры роли противоположны: объект действия «убийство» – строитель Василий («один»); субъект действия – город (потенциальные «горожане», «много»). Далее происходит комплементарное дополнение акциональных составляющих: действие «строительство» => конструирование, собирание частей (камней) в целое (город); на противоположном полюсе – «разрушение» = разделение целого на части (ассоциативно связанное с «камнем») => «расчленение». В антропоморфном плане: делание-строительство – зарождение – зачатие города; соответственно,

если «строительство» = «зарождение-зачатие», то «убийство» = антизачатие => оскопление. Таким образом, основные ассоциации как бы образуют конечные циклы: рождение – убийство – зачатие – антизачатие; строительство – разрушение – собирание – расчленение; то есть комплементарные пары закрепляются еще и диагональными связями. Эту структуру можно уже записать в виде логически связанного выражения: Один сильный человек по имени Василий совершает зачатие-строительство города из камней в местечке *Кар яг* – много слабых жителей разрушают-расчленяют («на камне порубят, отрубят ему «мужское») Василия на части на камне у ручья *Васес вийём шор*. Так возникает насыщенный конкретными деталями каркас «протосюжета», который может быть развернут в рассказ об убийстве Василия-строителя. В ходе дальнейшей самосборки эта структура обрastaет новыми деталями, появляются диагональные «стяжки», составляющие ассоциативно-смысловой ряд причинно-следственной связи. И уже непосредственно в ходе рассказывания нарративное сознание расщепляет двоичную структуру сюжета и превращает ее в линейный текст повествования.

Таким образом, сконструированная нами структура сюжета весьма точно отражает принципы супрамолекулярной самосборки, и позволяет перейти к новому, «надмолекулярному» взгляду на сложноорганизованную структуру художественного текста.

Во втором параграфе «Самосборка демонологического сюжета и измененные состояния сознания» мы сконцентрировали внимание на процессах, происходящих в нарративном сознании носителя традиции в момент порождения того или иного сюжета. Отталкиваясь от «лингвистической относительности» любых описаний измененных состояний сознания (ИСС)⁸, мы попытались сконцентрировать внимание на том, как эти описания отражаются в демонологических рассказах. Аналитическим материалом наших изысканий послужили охотничьи былички коми-зырян, повествующие о

⁸ Спивак Д. Л. Лингвистика изменённых состояний сознания. Л. 1986; Спивак Д. Л. Изменённые состояния сознания: психология и лингвистика. СПб., 2000.

контактах охотников с миром сверхъестественного и необъяснимого. Мы проанализировали с этих позиций один из демонологических сюжетов самой распространенной темы «охотник устраивается на ночь в лесной избушке и сталкивается с демоническими существами» и характерной для этой группы сюжетов ситуации отхода ко сну. Краткое содержание анализируемого текста типично: охотник в своей охотничьей избушке ложится спать, глядя на мерцающие угли печки; вдруг перед его глазами начинают кружиться женщины в длинных черных сарафанах; охотник вспоминает, что надо делать в такой ситуации; он пропускает сквозь свою рубаху несколько горячих углей (совершает известные ему магические действия); видение исчезает (*«подождал сколько-то, и все стихло»*).

Исходная ситуация, описанная в данном тексте, соответствует ситуации попадания человека в ИСС, пограничное между бодрствованием и сном: человек находится в состоянии полного покоя, близком к состоянию сна (лег, закурил, стал смотреть на огонь). На фоне мерцающего огня возникает галлюцинаторный образ мелькающих черных сарафанов, порожденный мерцающим огнем очага (мелькающий вертикально удлинённый черный низ + светлый верх (имплицитно представленный более светлыми лицами «женщин»). Сознание (еще не уснувшее) пытается осмыслить переживаемое видение, т.е. соотнести ворвавшихся в объективное (психическое) пространство «женщин в черных сарафанах» с образом самого охотника, спокойно лежащего в избушке. Далее возможно несколько сценариев развития: возникшее психоэмоциональное напряжение просто «будит» человека, «включает» режим максимальной мобилизации ресурсов организма с последующими эмоциональными реакциями (тревога, паника, страх, ярость, агрессия) или вызывает психотическую реакцию патологической направленности. Однако в данном случае происходит нечто абсолютно иное: когда психоэмоциональное напряжение достигает определенного порогового состояния, языковое сознание (измененное) переключается в нарративный регистр и порождает сюжетную реальность, непротиворечивым образом разрешающую психологический

(когнитивный) конфликт. Переключение в нарративный регистр и может быть определено как подключение к событийной матрице, которую мы рассмотрели в предыдущем параграфе. Возникающая в результате ассоциаций комплементарные пары организуют будущую сюжетную структуру: «мужчина – один – лежит – статичен – узкий – белый/ светлый – верх (ворот рубахи)» // «женщины – много – кружатся – подвижные – широкий – черный – низ (подолы сарафанов)». Необходимая для событийной матрицы «причинно-следственная связь» в данном случае и есть тот самый виртуальный магический обряд «пронимания», возникающий из этой же структуры. Определенную трудность здесь представляет выражение действий $A - A^{-1}$ субъектно-объектной триады $S - A - O$, поскольку возникает соблазн обозначить их «демонологически»: нападение / защита и т.п. На самом деле, эти действия отражены в структуре, хотя их комплементарность сложнопредставима: A «окружение», A^{-1} «пронимание» (прохождение, проведение чего-либо через отверстие насквозь) = антиокружение. Соответственно субъект S «несколько мелькающих в черных сарафанах женщин» инициальной части становится O^{-1} «несколько черных, мерцающих углей» в финале; комплементарность S и S^{-1} очевидна. Ну и далее, как и в предыдущем примере, нарративное сознание расщепляет эту структуру и разворачивает в линейный текст.

Особо отметим, что возникающий здесь событийный ряд четко связан и в пространстве-времени, и причинно-следственной логикой. То есть перед нами обоснованная с точки зрения каузальности и правдоподобная с жизненной точки зрения нарративная реальность. В силу определенных психофизиологических условий возникшая нарративная (виртуальная) реальность воспринимается измененным сознанием как «явь» и фиксируется в памяти реципиента как действительная история, произошедшая с ним. Это состояние сознания, в котором происходит полное слияние нарративной (художественной) и физической реальностей, мы определили как «нарративный транс». Рассмотренные далее демонологические сюжеты выдвигают на первый план проблему нарративного сознания. Гипотетически событийная матрица

(или набор подобных событийных матриц) представляет собой заложенный в человеческом (когнитивном) сознании фокус нарративного осмысления окружающего мира в виде связанных между собой событий.

В **Заключении** подводятся общие итоги и рассматриваются перспективы работы.

Обозначив ряд фольклористических тем, нуждающихся в переосмыслении, мы попытались сконцентрировать внимание на общей проблеме противостояния теории и практики. Если согласно теории, фольклор жив настолько, насколько он сохраняет установки на традиционность, на каноны, то в реальности – фольклор жив настолько, насколько он сохраняет способность изменяться, соответствовать духу времени. Два этих противоположных качества – повторяемость и изменчивость – уживаются только в открытых, сильно неравновесных сложноорганизованных системах, способных к самоорганизации. Этот постулат может и должен стать исходным при обращении к изучению динамики развития фольклорной традиции. Ее эволюционная картина может быть представлена как чередование сколь угодно долгих периодов устойчивой неравновесности, когда система находится под «властью традиции», и коротких периодов сильной неравновесности, выводящих систему в новое квазиустойчивое состояние с новыми, вероятностными параметрами.

С позиций системности все фольклорные инновации как чужеродные, случайные элементы являются дестабилизирующим фактором, разрушающим достигнутое системой или данным участком системы состояние равновесности. Степень воздействия этих «случайностей» напрямую зависит от состояния системы в данный момент. В состоянии устойчивой неравновесности такая «случайность» может быть «погашена» системой и никак не проявиться. Достаточно наглядно это демонстрирует обширный пласт иноязычной лексики, включенной в конвенциональный язык, но не используемой в фольклорном творчестве. Если данный участок системы был близок к «пороговому»

состоянию, то заимствование может стать бифуркационным стимулом, определяющим дальнейшее развитие. Однако в любом случае дальнейшее состояние предопределено свойствами самой системы, и выбор пути зависит от возможностей фольклорной среды.

Коми традиционная культура на протяжении многих столетий находилась в состоянии активных межатнических взаимоотношений. Это многовековое взаимодействие естественным образом отразилось на самых разных уровнях культуры, в том числе и в фольклоре коми. Что не могло не сказаться на фольклорной традиции, о динамике которой мы можем судить по материалам XIX–XX вв. Мы рассмотрели достаточно широкий ряд явлений, связанных с вхождением заимствований в самые различные уровни (подсистемы) фольклорной традиции. Несмотря на разнородность анализируемого материала, механизмы освоения заимствований достаточно универсальны и могут иметь несколько степеней сложности, которые зависят как от качественно-количественных характеристик заимствуемого явления, так, вероятно, и от степени неравновесности традиции в данный момент. Вероятно, любое чужое слово или текст, осваиваемое традицией, так или иначе, вовлекается в звуко-смысловые связи с исконными словами и текстами, приобретая, таким образом, новый смысл, понятный и «знакомый» традиции. Когда возникает фоносемантическая доминанта, которая в русле синергетического процесса может быть определена как аттрактор, она начинает направлять процесс дальнейшей перестройки, вносить коррективы в предыдущее состояние фольклорно-языковой картины мира, создавать новые смыслы, которых не было ни в языке-доноре, ни в языке-реципиенте.

Исходя из того, что в наши аналитические выкладки были вовлечены и собственно коми, и иноязычные фольклорные явления, можно утверждать, что для механизмов самоорганизации между ними нет принципиальной разницы. Гораздо более важным фактором становится их отношение к действующим аттракторам, что определяет местонахождение в общей фрактальной картине. Поскольку рассмотренные нами заимствования еще не утратили своей

чужеродности, находятся «на поверхности» традиции, мы еще в состоянии более или менее наглядно увидеть следы их самоорганизации. По мере обращения к более глубоким слоям культуры, спектр наших возможностей и наших аналитических результатов резко уменьшается, и в перспективе дальнейшие изыскания в этом направлении потребуют более тонких и точных инструментов. Это касается и концепции самосборки, опробованной нами в последней главе. По нашему убеждению, именно с механизмами локальной самоорганизации связаны самые глубинные слои фольклорного творчества. Собственно, данное исследование только намечает подступы к более серьезным и глубоким исследованиям отдельных феноменов фольклорной культуры.

Основные публикации автора по теме диссертации

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях ВАК и журналах, индексируемых в международных базах:

1. Панюков А. В. Мифологический сюжет о варке сусла в фольклоре коми // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 190–199.
2. Панюков А. В. К вопросу о самоорганизации зауми (на материале коми считалок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). С. 93–98.
3. Панюков А. В. День победы и образ Святого Стефана Пермского // Традиционная культура. 2010. № 2 (38). С. 32–36.
4. Панюков А. В. Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2011. № 9 (71). С. 34–41.
5. Панюков А. В. Образ мороза в календарной мифологии коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. № 1 (9). С. 89–92.
6. Панюков А. В. Праздничные обходы территорий в локальных коми традициях // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 72–85.

7. Paniukov A. Feast-day circumambulations of territories in the local traditions of the Komi // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. USA: M.E. Sharpe, Inc. 2012. Vol. 51. Iss. 2. P. 41–46.
8. Панюков А. В. Историзм фольклора VS фольклоризм истории: сюжет об убийстве князя Василия Вымского // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2013. № 3 (15). С. 103–109.
9. Панюков А. В. «Назад в будущее»: Убийство князя Василия Вымского // *Традиционная культура*. 2013. № 4 (52). С. 61–69.
10. Панюков А. В. Из детской промысловой магии коми-зырян // *Традиционная культура*. 2014. № 3 (55). С. 146–157.
11. Панюков А. В. Ижмо-колвинский эпос: встреча традиций // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2015. № 4 (24). С. 108–119.
12. Панюков А. В. Образы святочных духов в фольклоре коми-зырян // *Традиционная культура*. 2016. № 2 (62). С. 80–94.
13. Панюков А. В. Из календарной обрядности вишерских коми: Демьян Бедный // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2019. № 2 (24). С. 169–178.
14. Панюков А. В. Из календарной обрядности коми-зырян: *во воис* ‘Год пришел – урожай дошел’ // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2019. Т. 13. № 3. С. 429–438.
15. Panyukov Anatoly. Zaum (Beyonsense, Educanto) in the Komi Tradition of Incantations: Revisiting the Issue of Origins // *Folklore*. 2019. Vol. 76. P. 39–56.
16. Панюков А. В. *Вомидз* ‘сглаз’ как феномен вербальной магии коми // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2021. Т. 15. № 3. С. 433–445.
17. Панюков А. В. Урочище *Гöрд чой* ‘Красная гора’ в фольклорной топографии коми-зырянской Вишеры // *Вопросы ономастики*. 2022. Т. 19. № 1. С. 66–83.
18. Панюков А. В. Духи *шева* в демонологических представлениях коми-зырян // *Вестник угроведения*. 2022. Т. 12. № 2. С. 358–366.

19. Панюков А. В. От событий языка к языку событий // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 4. С. 80–92.
20. Панюков А. В. Лесные женщины в охотничьих рассказах коми-зырян // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 1. С. 150–162.
21. Панюков А. В. Синергетика фольклорных контактов // Словесность и история. 2024. № 2. С. 60–71.
22. Панюков А. В. Устные рассказы коми-зырян о порче-сглазе: когнитивный аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18. № 3. С. 360–369.
23. Панюков А. В. Порча-сглаз как феномен вербальной магии: нарративный аспект // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 1. С. 33–44.
24. Панюков А. В. Севернорусские бывальщины в фольклоре коми-зырян: «Мнимые» супруги // Словесность и история. 2025. № 2. С. 100–112.

Монография

25. Панюков А. В. Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009. 224 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской академии наук).

Аннотированные сборники текстов

26. Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа / Сост. А. В. Панюков. Сыктывкар, 2009 г. 495 с. (с аудиоприложением).
27. Изсайса комияслён фольклор (Фольклор зауральских коми) / Сост. М. И. Ёлтышева, Н. С. Коровина, А. В. Панюков. Сыктывкар, 2016. 292 с. (Отв. редактор, вступ. ст., составитель, комментарии, оформление, компакт-диск).

Другие публикации:

28. Панюков А. В. Коми и русские: диссипативные механизмы в системе фольклорных заимствований // Коренные этносы Севера европейской

части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Материалы международной научной конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 418–421.

29. Панюков А. В. Заимствованный фольклор в коми традиционной культуре // *Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum*. Tartu, 2001. Pars VII. P. 177–183.

30. Панюков А. В. Актуальные проблемы изучения устной несказочной прозы: проблема мифологического нарратива / Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар: ИПО СыктГУ, 2002. 56 с.

31. Панюков А. В. К вопросу о ключевых концептах коми культуры: *нимкыв видзны* в контексте представлений о *дзоньвидзалун* // Символ в системе культуры: проблемы интерпретации текста (Доклады научной конференции). Сыктывкар, 2003. С. 129–131.

32. Панюков А. В. Этнолингвистический аспект изучения коми заговорной традиции: *Нимкыв видзем* (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып.462). Сыктывкар, 2003. 28 с.

33. Панюков А. В. *Роч* ‘русский’ в коми традиционной картине мира // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 216–219.

34. Панюков А. В. Коми заговорная традиция «нимкыв видзем»: заговорные версии сюжета «Пан тшын» // История современное состояние перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всеросс. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 279–283.

35. Панюков А. В. К проблеме поэтики устных мифологических рассказов: лингвосемантический подход // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. Сб. научных статей по материалам конференции. М., 2006. С.86–105.

36. Панюков А. В. Самоорганизация фольклорного текста и проблема вариативности // Духовная культура финно-угорских народов России.

Материалы Всероссийской научной конференции «Духовная культура финно-угорских народов России», посвященной 80-летию А.К. Микушева. Сыктывкар, 2007. С. 89–93.

37. Панюков А. В. Фольклорная традиция как синергетический объект: к постановке проблемы // Семиозис и культура: философия и феноменология текста: сборник научных статей / под общ. ред. И.Е. Фадеевой и В.А. Сулимова. Сыктывкар, 2009. С. 264–295.

38. Панюков А. В. К проблеме самоорганизации коми фольклорной традиции: *Горань* // Слово и текст: история, культура, этнос. Сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 129–136.

39. Панюков А. В. Формула "На том берегу дым дымится" в коми фольклорной картине мира // Семиозис и культура: философия и антропология разрыва (текст, сознание, код): сборник научных статей / под общ. ред. И.Е. Фадеевой и В.А. Сулимова. Сыктывкар, 2010. С. 278–282.

40. Панюков А. В. Обряд *ректасьём* в знахарской традиции коми // Живая старина. 2010. № 2. С. 46–48.

41. Панюков А. В. Радуга в фольклоре коми // Живая старина. 2011. № 3. С. 25–27.

42. Панюков А. В. Синергетика фольклорных контактов: ижмо-колвинская фольклорная традиция // Фольклористика коми: Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С.189–208 (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 70).

43. Панюков А. В. Из жизни коми-вятского пограничья: святочная демонология летских коми // Зеленинские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 12 ноября 2013 г.) / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 2013. С. 94–100.

44. Панюков А. В. Календарная терминология коми в зеркале народной этимологии // Вопросы диалектологии и полевые исследования:

традиции и перспективы. Сборник статей. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 2013. С. 201–207.

45. Панюков А. В. Заимствования в заговорной традиции коми-зырян: в поисках прагматики // Человек. Культура. Образование / Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал. Сыктывкар: Изд. Центр СГУ им. Питирима Сорокина. 2015. №2 (16). С. 50–262.

46. Панюков А. В. Я сам Иисус Христос: заимствования в заговорной традиции коми-зырян // Рябининские чтения – 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 389–392.

47. Панюков А. В. Заумь в заговорной традиции коми: в поисках истоков // Sator: Фольклористика Коми: тексты, исследования. Тарту: Научное издательство ЭЛМ., 2016. С. 67–98.

48. Панюков А. В. Феномен самосборки в фольклоре: быличка о домовом // Человек. Культура. Образование / Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал. Сыктывкар: Изд. Центр СГУ им. Питирима Сорокина. 2016. №2 (20). С. 226–243.

49. Панюков А. В. Ижмо-колвинский эпос: Исполнитель – Текст – Аудитория // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Амосова: Серия Эпосоведение. 2018. №1 (9). С. 31–41.

50. Панюков А. В. Демонология измененных состояний сознания: нарративный транс // Семиозис и культура: человек, общество, культура и процессы социальной трансформации [Электронный ресурс]: XIV Международная научная конференция (6–7 декабря 2019 г., г. Сыктывкар): сборник материалов: текстовое научное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. С. 77–88.